

С А Р А
П Э Й Н Т Е Р

S A R A H
P A I N T E R

S A R A H
P A I N T E R

IN THE
LIGHT
of
WHAT
WE SEE

С А Р А
П Э Й Н Т Е Р

В Е С Ь

этом

С В Е Т

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П97

Sarah Painter
IN THE LIGHT OF WHAT WE SEE

Copyright © 2016 by Sarah Painter
This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com,
in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Александры Смирновой*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Пэйнтер, Сара.
П97 **Весь этот свет / Сара Пэйнтер ; [пер. с англ.
А. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-100528-3

Мина видит призраки птиц, обычно перед тем как происходит нечто неприятное. Увидев утром на кровати силуэт чижики, она сразу поняла — день будет не из легких.

Следующее ее пробуждение случается много времени спустя. Мина медленно выходит из комы, оказавшись в больнице, где раньше сама работала. Она помнит лишь, что должна зачем-то позвонить брату-близнецу Джейренту, которого давно не видела, и сторонится своего жениха Марка, хотя он окружает ее заботой. Вечерами в коридорах Мине мерещится тень молодой медсестры в форме тридцатых годов, а в палате снова появляются птицы.

Единственным ее другом становится Стивен Адамс, местный врач. Он приносит ей книгу — историю больницы. И именно на этих страницах Мина находит первый ключ к разгадке произошедших с ней странных событий...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-100528-3

© А. Смирнова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Мина

орой вы просто знаете, что все вот-вот пойдет наперекосяк. Судьба подает разные знаки: идет дождь; хлеб покрылся плесенью, а молоко купить вы забыли; машина не заводится, несмотря на то, что вы заплатили семьсот баксов механику, не способному оправдать доверие. Женщинам часто несут плохое предзнаменование волосы. Растрепан. Вы моете голову, сушите феном, причесываете, поливаете слоем лака, способным обезвредить небольшую армию. Но пристальный взгляд в зеркало выдает ужасную правду: вы все равно выглядите как чучело.

Я ничего не имею против дождя, а фена у меня вообще нет, но я знаю: день, в который вы, проснувшись, первым делом увидели призрак птицы, хорошим быть не может.

Маленькая птичка кружила под снежными пиками узора на потолке. Натянув одеяло до подбородка, я смотрела, как она порхает из угла в угол. Марк спал, закинув руку за голову. Ему было все равно. Я видела птицу в мельчайших подробностях, от ярко-желтых маховых перьев до серо-голубого пламени на хохолке. Но я знала — это не настоящая птица. Будь она настоящей, она бомбардировала бы окно, колотилась бы в стекло в приступе паники. Но она

облетела всю комнату и приземлилась на комод, служившем мне туалетным столиком. Уселась среди флаконов духов, баночек с увлажняющим кремом, коробочек с тенями для век и груды надоевших украшений, уставилась на кровать. Ее глаза были яркими и такими живыми. Она очень медленно повернула голову, будто разглядывая меня. Потом исчезла.

Вскоре зашевелился Марк.

— Ради бога, не говори, что уже утро. — Он закрыл лицо рукой, из-за раздвинутых пальцев выглянул покрасневший глаз. Марк вчера пил виски с друзьями с работы и лег в кровать где-то около двух.

— Ты опаздываешь, — сказала я.

Он выругался и, перекатившись через меня, слез с кровати. Побрел в маленькую ванную. Я услышала шум воды.

Стоя там, где только что сидела птица, я думала — почему, если они снова начали мне мерещиться, на этот раз привиделся чиж? Любимая мамина птица...

Марк вышел из душа — полотенце обернуто вокруг талии, светлые волосы потемнели от увлажняющего геля. Спрыгнув с кровати, я быстро одевалась; когда он попытался схватить меня в охапку и поцеловать, вывернулась из объятий.

— На это нет времени.

Я поставила чайник, насыпала в чашки растворимый кофе и постаралась не обращать внимания на чижику, который теперь сидел на карнизе и смотрел на меня сквозь грязное стекло.

Все еще сонный, Марк тем не менее поймал меня возле раковины, прижал спиной к кухонному столу и поцеловал. Я обвила его руками, как если бы пыталась обхватить большую территорию. Я пыталась расслабиться, прижавшись к его мощному телу, ути-

хомирить расшатанные нервы, но слышала лишь тихое «тук-тук». Стук маленького клюва по стеклу. По всем законам логики его должен был заглушить шум закипающего чайника, стало быть, этот стук звучал в моей голове. Не слишком приятный вывод.

— Все хорошо, малышка? — Резкие морщины на лбу Марка стали глубже. Я улыбнулась ему и потянулась за чайником. Руки тряслись. Марк тут же подбежал с мокрым полотенцем, убрал рассыпанные гранулы, вытер лужицу воды и взял у меня кружку, чтобы самому размешать свой кофе.

Я повернулась спиной к окну и изо всех сил попыталась не замечать птицу.

— Ты меня слышишь? — Хмурые складки, казалось, прочертили за эти дни неизгладимый след на лбу Марка. Не имея опыта длительных отношений, я не знала, в порядке ли вещей возникшие между нами неловкость и отчужденность, не знала, что значит напряжение, нараставшее в моей груди, когда он говорил со мной, — признак настоящих взрослых отношений или что-то другое.

Он налил в чашку холодной воды, долго пил.

— Я заказал столик сегодня на восемь, все в силе?

Я кивнула.

— Придешь вовремя?

— В восемь часов и ни минутой позже, — ответила я и проскользнула мимо него в гостиную, чтобы одеться, стараясь скрыть внезапное раздражение.

Зазвонил телефон; я крикнула Марку, чтобы не брал трубку.

— У нас нет времени.

Голос Пат, над которым не властны были расстояние и технологии, вынудил меня остановиться, наполовину просунув голову в свитер.

— Это сообщение для того, кто самовольно заселился в квартиру Мины Морган. Если вы вызовете служащих похоронного бюро, чтобы они доставили ее останки родственникам, мы будем очень благодарны.

Я замерла, не в силах пошевелиться — вдруг Пат почувствует мое присутствие. Марк направлялся к телефону; я яростно замотала головой.

— Если же она еще жива, возможно, вам удастся у нее выяснить, почему вот уже четыре недели ей не хватает элементарного приличия позвонить домой.

Телефон замолк — только для того, чтобы немедленно зазвонить снова.

— Малышка, — сказал Марк, — ты же знаешь, она не отстанет.

Он уже не боялся опоздать. В списке того, что его беспокоило, семейные обязанности стояли на первом месте. Тот факт, что я до сих пор не познакомила его с тетей и дядей, был одним из камней преткновения в наших отношениях.

— Времени нет. Нам надо идти. — Я собирала вещи, хватала сумочку, пальто, мобильник так лихорадочно, будто торопилась на срочный вызов. — Опаздывать нельзя.

— Малышка...

Всего одно слово. Одно слово, полное разочарования в океан глубины. Зная меня два года, Марк по-прежнему не мог понять: этого недостаточно, чтобы изменить мое решение.

Есть много вопросов к Ромулу и Рему. В историях о близнецах один обычно хороший, а другой — как раз наоборот. Моя тетя Пат на стороне зла. Мама каждую свободную секунду посвящала тому, что мастерила «ловцы снов». Ракушкам, оленьим жилам

и коричневым перьям она предпочитала ленты, кружево и розовых пластмассовых райских птиц, что сидели внизу обруча, очаровательно и бессмысленно блестя глазами из камушков. Они по-прежнему захламляют дом тети Пат, и у меня лежит в коробках несколько штук. Мама сумела не дожить до двадцать первого дня рождения. Легко быть хорошим, если рано умереть. Спросите у любого святого.

У тети Пат иной талант. Она настоящий эксперт по закрыванию глаз. Увидев что-то мерзкое, или гадкое, или просто стоящее не на своем месте, она будет выталкивать его оттуда, пока картина не станет соответствовать ее представлениям о том, как надо. Если же это невозможно, тетя Пат просто откажется ее замечать. Она перестраивает мир, меняет его под себя, пока он не станет безукоризненным и не запахнет отбеливателем и лавандовым освежителем воздуха. К семнадцати годам я пропахла «Джеком Дэниелсом» и отчаянием, так что, покинув дом, поклялась не возвращаться.

Спать с Марком было проблематично еще и потому, что после этого было глупо ехать на работу не вместе. Я включила отопление в выдавшем виды старом «Пежо» и поставила кассету. Мне нравилось, что никто уже не пользуется кассетными лентами, но больше всего мне нравилось бесить этим Марка. В его машине была система объемного звука, док-станция для айпода и сиденья с подогревом. Я высадила его у обочины дороги. Совсем близко от больницы, на мой взгляд, но достаточно далеко, чтобы разозлить Марка и чуть не вызвать ссору по нашему любимому поводу.

— Ты же понимаешь, это глупо. — Взяв портфель с заднего сиденья, он поцеловал меня в щеку.

— Понимаю, — ответила я и, прежде чем он принялся излагать мне сто одну причину, почему мы должны сообщить всем на работе, что спим вместе (как будто это их касается), я съехала с тротуара, вынудив его захлопнуть дверь с громким стуком. Все мое тело расслабилось, я прибавила громкость. Припарковавшись, закрыв машину и войдя в больницу, я немного успокоилась. Раньше мне нечасто доводилось видеть призраки птиц, и теперь я почти наполовину смогла убедить себя в том, что в этот раз просто не до конца проснулась.

Я знала, что эти птицы ненастоящие, и знала, что они никоим образом не могут предвещать смерть. Мое личное дело включало в себя несколько законченных курсов по психологии, и я не считала себя глупой. Я знала — это скорее симптом сильной душевной травмы или признак начинающейся шизофрении, чем парапсихологическое явление. Я знала, что, увидев эту птицу, стала связывать одно плохое событие с другим, как ребенок соединяет точки, чтобы получилась картинка. Я знала, что людям свойственно выстраивать алгоритмы, связывать причину и следствие, и что когнитивные искажения означают подсознательное отрицание факторов, не отвечающих нашим гипотезам; другими словами, когда мне прежде мерещились птицы, ничего плохого не случалось.

Но главное, я знала, что способности предвидеть будущее не существует и считать этих птиц плохим предзнаменованием — нелепый предрассудок. И в то же самое время я всем сердцем в него верила.

Я была не безумнее всех остальных, я понимала разницу между реальностью и вымыслом, но вместе с тем я понимала — в глубине души, — что вскоре случится нечто ужасное.

*Грейс.
Август 1938-го*

Грейс коснулась брошки в форме синей птицы, приколотой к отвороту пиджака, и изо всех сил постаралась не думать, что будет, если женщина по ту сторону стола отправит ее домой.

— Ты слишком молода, — сказала главная медсестра Кларк. — Я не потерплю глупостей.

Грейс подавила в себе желание улыбнуться. Нужно было всеми силами показать, что она совсем не глупа. Главная медсестра оглядела ее с головы до ног, медленно, словно выбирала корову на рынке.

— Но, по крайней мере, у тебя приличные туфли.

Грейс посмотрела на свои коричневые кожаные башмаки и решила не говорить, что это ее единственная пара обуви.

— Всегда в первую очередь смотри на обувь, — велела главная медсестра. — По крайней мере видно, что ты из порядочной семьи. Это уже кое-что.

— Я очень порядочная, — сказала Грейс, и желание улыбнуться пропало. Порядочная девушка. Такой характеристики она не заслуживала.

Главная медсестра посмотрела так, словно фыркнула бы, не будь это ниже ее достоинства. Потом сказала: «Хмм» и принялась разглядывать лист бумаги.

— Я трудолюбивая, — сказала Грейс. Она уже показала главной медсестре рекомендательные письма. Она не знала, где мать их взяла, знала только, что они стали частью торопливых приготовлений прошедших двух недель. Подняв глаза, главная медсестра чуть заметно улыбнулась.

— Хочется верить. Но дело в том, что каждая девушка, приходя сюда, говорит мне в точности то же самое. — Теперь она смотрела на Грейс не моргая.

Грейс молчала. Она старалась не думать о том, как вела себя мать в это утро, старалась не выйти из того оцепенения, которое чувствовала. Простившись с ней лишь у двери, мать протянула руку, но не для прощального объятия, как на мгновение показалось Грейс, а только чтобы пригладить волосы.

Недолго поразмыслив в молчании, главная медсестра Кларк чуть встряхнула головой. Темно-русые волосы, уложенные невероятными волнами над высоким лбом, даже не шелохнулись.

Грейс ощутила укол разочарования. Ей придется вернуться домой. А что потом?

— Постарайся меня не разочаровать, — сказала главная медсестра, передавая ей через стол лист бумаги. — Подпиши внизу. В понедельник утром выходишь на дежурство.

— Что?

— Не «что», а «простите», сестра, — она покачала головой, как будто уже сожалела о принятом решении. — После того как подпишешь, можешь идти в дом сестер. Это не по правилам, но твоя мать настояла, чтобы ты немедленно приступила к работе.

Грейс кивнула и кое-как смогла нацарапать свое имя, хотя пальцы внезапно задрожали.

Выйдя из кабинета, она долго стояла в коридоре, выкрашенном зеленой краской. Когда ей начало казаться, что она вот-вот пустит корни, она заставила себя выбрать направление и медленно побрела. На нее сразу же налетела медсестра в накрахмаленной униформе.

— Новенькая? — спросила она, взглянув на чемодан Грейс. — Тебе на выход и налево. В дом сестер свой вход.

За больницей располагались садовые участки. Грейс заметила несколько оседающих сарайчиков и красивую оранжерею, из тех, что обычно бывают возле больших домов. Внутри нее двигалась белая фигура, похожая на огромную бабочку или призрак. Грейс поняла, что это медсестра в полной униформе возится со своими помидорами.

В самом деле, здесь был другой вход, не такой большой, как в главный корпус. Вход для прислуги, как сказала бы мать. Внутри оказались бесконечные коричневые коридоры и ни души. Грейс поспешно прошла туда-сюда, прочитала все таблички на закрытых дверях и все надписи, какие попались ей на глаза. Наконец появилось другое существо — медсестра в пелерине и шапочке царственной походкой приблизилась к Грейс.

— Простите, не подскажете, где здесь комната медсестер?

Та вздохнула, словно Грейс попросила ее спрыгнуть с трапедии или выстругать из палки фигуру, похожую на короля.

— Пойдем покажу.

Они прошли еще один коридор, на этот раз бледно-зеленый. По нему ходили медсестры. Одна, замедлив шаг, кивнула сопровождающей Грейс.

— У тебя разве не выходной?

— Думала, выходной, — ответила она, указав на Грейс, — вот, нашла заблудшую овцу.

— Не одно, так другое, — сказала другая медсестра, нахмурившись. У нее были очень темные волосы, просвечивавшие сквозь накрахмаленную ша-

почку. Грейс стало жарко от стыда и мысли, что ее спасительница могла оставить ее на произвол судьбы.

— Тебе сюда, — медсестра указала на дверь и поспешила по своим делам. На черной металлической табличке было выведено белыми буквами: «Персонал. Медсестры отделения». Под табличкой был приколот канцелярскими кнопками листок бумаги с надписью: «Посещения посторонних лиц в любое время запрещаются. Медсестры обязаны соблюдать комендантский час». Внизу стояла подпись — В. С. Беннетт.

Грейс толкнула дверь, почти уверенная, что будет закрыто, но дверь распахнулась. Коридор без окон был залит голубоватым светом. Из двери сбоку вышли две медсестры в шапочках.

— Извините, — успела сказать Грейс, когда они проходили мимо, — где здесь спальни?

Медсестры остановились. У одной было приятное круглое лицо и смеющиеся глаза, у другой, пониже ростом, хмурый взгляд.

— Новенькая, я так понимаю, — сказала она. — Бедняжка.

Уголки рта круглолицей опустились в знак сочувствия.

— Подписала бумаги, да?

Грейс кивнула. Хмурая медсестра надула щеки и снова сдула.

— Тогда тебе пока больше делать нечего. Список проживающих в конце коридора. Удачи.

Грейс нашла в списке номер своей комнаты. Пока не увидела свое имя, напечатанное на листке, она не могла поверить, что это не шутка. Или что она не ошиблась, неправильно истолковав слова главной медсестры, которая на самом деле и не думала принимать ее на работу.

Комната была рассчитана на двоих. Две железные кровати, две тумбочки, один шкаф. Грейс поставила чемодан на пол, посередине, и принялась распаковывать вещи. Она как раз собиралась запихнуть пустой чемодан под кровать, когда дверь с громким стуком распахнулась.

— А, ты новенькая. Привет.

Грейс выпрямилась.

— Да. Я...

— Так делать нельзя,— медсестра указала на чемодан.— Его потом отнесут в комнату для багажа.

Грейс надеялась хранить в нем то, что не поместится в шкаф.

— А почему я не могу оставить его здесь?

Девушка вошла в комнату и принялась развязывать шапочку.

— Я Эви. Моя прошлая соседка была та еще плакса. Ты же не станешь реветь каждую ночь, верно?

— Нет,— ответила Грейс. Это прозвучало слишком сухо, даже грубо, а в голосе мог послышаться вызов. Тишина, которая последовала за ответом, тоже не располагала к дружбе. Она добавила:

— Ну, во всяком случае, надеюсь.

— Это хорошо,— сказала Эви.— Тут, конечно, трудно уснуть.— Положив шапочку на тумбочку, она стала снимать длинный фартук и полосатое платье. Грейс поспешно отвернулась и легонько подвинула чемодан ногой, стараясь не краснеть.

— Тебе уже показали, где тут что?

— Нет.— Грейс еще немного подтолкнула чемодан, потом осмелела и подняла глаза на соседку. Раздевшись до белья, она боролась с непослушной челкой, пытаясь накрутить на бигуди.

— Тогда пошли,— сказала она.